Дульсинея Тобосская

Автор:
Александр Володин

Дульсинея Тобосская

Александр Моисеевич Володин

«Декабрь. 1615 год. Селенье Тобосо. В зажиточном крестьянском доме, за пустым дощатым столом, сидели: Альдонса, девушка двадцати шести лет, ее отец, ее мать, ее жених и Санчо Панса, худой человек с выпуклыми светлыми глазами…»

Александр Володин

Дульсинея Тобосская

Селенье

Декабрь. 1615 год. Селенье Тобосо. В зажиточном крестьянском доме, за пустым дощатым столом, сидели: Альдонса, девушка двадцати шести лет, ее отец, ее мать, ее жених и Санчо Панса, худой человек с выпуклыми светлыми глазами. Отец сказал:

– А я думал, что вы полнее.

– Раньше я был полный, а теперь худой, – объяснил Санчо.

– И в книге написано, что Санчо Панса полный, – подозрительно заметил жених.

– Но потом я похудел.

– Когда же это с вами случилось? – поинтересовался отец.

– Недавно.

– Что-нибудь со здоровьем? – спросила мать.

– Горе у меня было. Неприятность. Беда.

Все закивали головами:

– Да…

– Да…

– Да…

Только Альдонса не сказала «да». Она была не то злая, не то сонная.

Отец сказал:

– Говорят, это был прекрасный человек.

– Цвет рыцарства, гордость Ламанчи, – подтвердил Санчо.

– Да и одной ли только Ламанчи!

Санчо с горечью произнес:

– Теперь, когда его нет, мир наполнится злодеями. Потому что все злодеяния будут оставаться безнаказанными.

– На улицу не выйдешь, – поддержала мать.

Санчо привычно проговорил:

– Смиренный со смиренными, гордый с надменными, он смотрел опасности прямо в глаза. Он не унывал в бедах. Он был влюблен ни в кого.

Мать не поняла:

– Вы изволили сказать, что он не был влюблен ни в кого?

– Он был влюблен ни в кого.

Отец обратился к жениху:

– Понял?

– Не понял.

Мать попросила:

– Если можно, скажите еще раз, Санчо, он не был влюблен или был влюблен?

– Разумеется, был.

– В кого же, интересно было бы знать? – съязвил жених.

– Ни в кого.

Отец начал гневаться:

– Ведь ясно, черт побери! Что ты привязался к человеку?

– А говорят, что в книге написано иначе.

– Владычицей его души была несравненная Дульсинея. Но она как бы была, но в то же время ее как бы и не было! Но он был верен ей и отвергал королев,

императриц и всякого рода дам.

– Значит, она как бы и была? – продолжал язвить жених.

– Как бы и была.

– Но уж, во всяком случае, это была, наверно, знатная дама? – сказал отец.

– Она была бесподобна по своей родовитости. Ибо на благородной крови произрастает красота более высокая, нежели у низкого происхождения.

– Теперь тебе ясно? – спросил жениха отец.

– Почти что.

– Слава богу. Но что же мы не выпьем за знакомство? Такой человек, Санчо Панса – и не зазнался, пригласили – пришел. Теперь-то вас, наверно, все зовут. То никому не были нужны, а то всем понадобились!

Мать внесла бурдюк с вином и кроличий пирог. Санчо оживился.

– А вы уверены, что Дульсинея – знатная дама? – жених ядовито спросил, обращаясь к Санчо.

– Сказано же, к чему сто раз повторять? – свирепел отец.

– Ее знатность была видна на расстоянии арбалетного выстрела.

Жених заметил:

– Но ходят слухи, будто вы как-то застали ее за просеиванием зерна? Во дворе, как какую-нибудь затрапезную крестьянку?

– Да будет вам известно, что с нами всегда творились вещи, совершенно не похожие на те, что случались с другими странствующими рыцарями.

– С ними всегда творились такие вещи! – подхватил отец.

– Завистливые волшебники видели, что их козни и каверзы на нас не действуют, так они – что? Вымещали свою злобу на той, что была моему господину дороже всего. Вот они и превратили ее в крестьянку и принудили исполнять столь черную работу, как просеивание зерна.

– И замолкни. И пей, – повелел отец жениху.

– Еще вопрос. Почему эта Дульсинея называется Тобосская? – не унимался жених.

– Дульсинея Тобосская, это верно, так она называется, – сказал Санчо.

– Значит, она живет в Тобосо?

– Раз Тобосская, значит, в Тобосо, где же ей еще жить?

– Мало ли в Тобосо девушек. Не наше дело в этом разбираться, – возмутился отец.

– Но у такой знатной дамы должен быть дворец в Тобосо. Почему-то о нем ничего не известно, – настаивал жених.

Санчо был озадачен:

– Действительно, чем бы это объяснить?

– Это я вас спрашиваю, чем бы это объяснить?

– Дай человеку поесть, – вмешалась мать.

– Это жених нашей дочери. Дотошный парень, – обозлился отец.

– И все же прошу ответить на вопрос. Ибо это кровно меня касается. А также и всех остальных. Только все делают вид, что это их не касается. А я не хочу

делать вид. Кто же такая эта знатная дама из Тобосо? Ее нетрудно здесь отыскать, – каменея, сказал жених.

– Как же ее отыщешь, если она была превращена в невоспитанную сельчанку! В заколдованную, оскорбленную, униженную и подмененную! И вот почему я буду всечасно ее оплакивать. Ибо только благодаря несравненной Дульсинее село наше станет знаменито и прославится в веках, подобно тому, как Трою прославила Прекрасная Елена.

– Постойте, тогда уж не надо отвлекаться. Это господин ваш был, как говорят, помешан, но вы же, слава богу, в здравом уме? Вы упомянули здесь презренную крестьянку, в которую ваши недруги превратили Дульсинею. Тогда расскажите нам про эту крестьянку, и дело с концом. Если бы она сейчас попалась вам на глаза, вы бы ее узнали? – спросил отец.

Санчо уже охмелел:

– Еще бы! Я распознал бы ее на расстоянии полета копья. Едва мы с господином выехали из лесу, как вместо нашей принцессы, которая вот только что восседала передо мною на иноходце, к нам приближается поселянка на ослице! «Ах, мошенники! – кричу. – Эх вы, волшебники зловредные! За что же вы так нам досаждаете?» Я спешился, взял за недоуздок осла той поселянки, в которую обратилась Дульсинея, и сказал: «Королева, принцесса и герцогиня красоты! Вот блуждающий рыцарь Дон Кихот Ламанчский стоит рядом со мной как столб, сам не свой. Это он замер перед лицом великолепия вашего!..» Тут и он опустился рядом со мной на колени и устремил смятенный взор на ту, которая была королевою и герцогинею, хотя и выглядела деревенской девкой, к тому же не слишком приятной наружности и с родимым пятном над губой.

– Вы сказали – с родимым пятном? – встрепенулась мать.

– Над губой было пятно.

– Вот здесь? – спросил отец.

Санчо повернулся так, чтобы припомнить.

– Здесь.

– Да это же Марсела! – ахнула мать.

– Батрачка Марсела со своими сестрами ехала на базар! – воскликнул и отец.

– Они еще рассказывали, как их напугали двое умалишенных!

Отец и мать накинулись на жениха.

– Сообрази, кто такая Дульсинея? Теперь успокоишься, изверг?

– Теперь успокоюсь, – сказал жених.

– Наконец-то, – сказал отец.

– Знали бы вы, какую он тут затеял свару, – поддержала его мать.

– Ну, чтобы совсем уж хорошо покончить, – продолжал жених, – пускай Санчо Панса нам скажет, почему в книжице про хитроумного Дон Кихота указано, что Дульсинея – это дочь зажиточного крестьянина из Тобосо, а по имени эта девица – Альдонса!

Как гром прозвучала его речь. Вздрогнул отец девушки. Окаменела мать. Не поднимая глаз, сидела Альдонса.

– Откуда ты это взял? Ты и читать-то не умеешь! – вскричал отец.

– Я специально ездил в Толедо, и там один бакалавр мне это сказал.

– Мало ли что сказал бакалавр! Не мог настоящий идальго прельститься и совершать приключения ради деревенской девки, которую и замуж-то никак не выдать! Да посмотрите на нее хорошенько! Ну, похожа ли она на прекрасную Дульсинею или на что-либо подобное? – взывала мать.

Санчо долго молчал, понурясь над пирогом. Потом поднял голову и в первый раз осторожно, искоса посмотрел на хмурую Альдонсу и сказал:

– Она.

Жених расхохотался.

– Прошу прощения, Санчо, но тут уж начинается какая-то путаница, – сказал отец.

– За что же вы возводите на нее напраслину? Девушка послушная, проворная. Утром – другие еще кофе пьют – она уже на рынок, продаст зелень – бегом обратно, подоит корову – в город с молоком, – поддержала его мать.

– И сошьет, и побелит, и медную посуду почистит.

– За что же вы ее порочите!

– Если вам что-нибудь нужно, – скажите, не обеднеем, у нас и козы доход приносят, и с виноградом не внакладе.

Санчо смотрит на них дико:

– Вы отказываетесь от этой чести? Вы отказываетесь от этой славы? Ради сеньоры Дульсинеи мой господин набрасывался на сотню вооруженных людей, как мальчишка на спелые дыни! Перед смертным боем он поручал свою жизнь защите прекрасной Дульсинеи! Знаете ли вы, чурбаны, что если бы она не вливала силы в его десницу, то он не убил бы и блохи! Это доблесть Дульсинеи избрала его руку своим орудием! Она сражалась в нем и побеждала! Чтобы угодить Дульсинее, он забирался в горы, как дикарь, и, голый до пояса, каялся. Спал на земле, во время трапезы обходился без скатерти, не чесал бороды, плакал и благословлял судьбу!

Только сейчас заговорила Альдонса:

– Что же это он ни разу не заходил увидеться с нею?

– С кем – с нею? – не сразу понял Санчо.

– Ну – со мной, вы говорите.

– Слышали? Вот о чем она спрашивает! Зачем тебе было видеться с ним, поганка! – возмутился жених.

– Что ты привязался к девочке? Ну спросила из любопытства. В кои-то веки ухажер объявился, – сказала мать.

– Да ведь не увиделись же! Не виделись они, не виделись, нудный ты парень! – поддержал ее отец.

– Это мы еще выясним. За столько лет ни разу не повидались. Трудно поверить, – настаивал жених.

Санчо снова увял:

– Благородный Дон Кихот не увиделся со своей госпожой, потому что она не ответила ему на письмо.

– А! Значит, еще и письмо было! – побагровел жених.

– Давай сюда письмо, – потребовал отец у дочери.

– Письма у ней нет, потому что я его не отдал ей, – объяснил Санчо.

– Поверим. Что же там было сказано? Ваш господин наверняка с вами поделился, – настаивал жених.

– К чему говорить о письме, если нет его, – сказала Альдонса.

– Почему же – не к чему? Именно есть к чему.

– Нет, вот именно и не к чему.

– А по-моему, дочка, раз уж зашла об этом речь, лучше пусть расскажет. Такой кабальеро не мог написать ничего дурного, – сказала мать.

– Санчо, только от себя, уж пожалуйста, ничего не прибавляйте, – добавил отец.

– К чему прибавлять-то? И прибавлять-то не к чему. Не было письма! Не давал он мне ничего! Неужели трудно понять, – вскричала Альдонса.

– Но ведь тогда этот балбес еще хуже будет тебя подозревать!

– Пусть подозревает, если балбес.

– Вот как. Ничего, сиротой не останемся. Шестнадцатилетние девочки бегают без дела, – обиделся жених.

– А такое хозяйство там бегает? – сказал отец.

– Хозяйство – дело наживное. Но сперва давайте разберемся до конца. Забыли вы письмо. Значит, передали его на словах?

– Не передал я его на словах, – сказал Санчо.

– Почему же?

– Не повидал я сеньору Дульсинею. Не добрался до нее.

– Даже не добрался! Так далеко от вашего села до нашей Тобосы?

Санчо виновато обратился к Альдонсе:

– Дело в том, госпожа, что именно к этому времени мой господин нацелился на королевский трон – я имею в виду принцессу, которую он собирался спасти и жениться на ней.

– На ком это он там жениться собирался? – вскинулась Альдонса.

– В том-то и дело, что не собирался он жениться, у него и в мыслях этого не было! Но я-то, грешным делом, рассчитывал, что коль скоро это сбудется, то он и меня женит. Потому что я к этому времени уже овдовею – и сосватает мне какую-нибудь знатную даму. Вот какие чудовищные мысли бороздили мою голову! И потому я ему наврал, что видел вас. И будто вы просеивали зерно. И потому я не передал вам его любовное письмо. И все это я говорю, чтобы вы поняли, какой я негодяй и чего я стою.

– Так что он там – женился, нет?

– Как же он мог жениться, если владычицей его души была Дульсинея! Когда же я из-за своей гнусности не стал разыскивать Дульсинею и вернулся ни с чем – господин принялся меня расспрашивать: «Вот вручил ты письмо. Чем была в это время занята царица красоты? Вернее всего, низала жемчуг?» – «Никак нет, – сказал я, – она просеивала зерно у себя во дворе».

– Почему же ты так сказал?

– Я иной раз потешался над своим господином. А зачем – не знаю… Тогда он спрашивает: «Что же она сказала, когда прочитала мое письмо?» – «Она, мол, сказала, что страх как хочет с вами повидаться».

– Ну, братец, вы такие петли мечете, что вас трудно понять. Если она ничего этого не говорила, зачем же вы это говорите? – возмутился отец.

– Я говорю не то, что было, а только то, что я говорил.

– А раз говорил, так и говори до конца: когда ты сказал, что я зову его прийти, – что он тебе на это сказал? – спросила Альдонса.

– Вот она и созналась! Все слышали? Значит, ты все-таки звала его прийти? – торжествовал жених.

– Да ведь сказано тебе, что он наврал? – вступился отец.

– Что он наврал?

– Все наврал!

– Так, может быть, и то наврал, что все наврал?

– Почему же, Санчо, твой Дон Кихот и на этот раз не пришел ко мне, когда я сама его позвала? – спросила Альдонса.

– Да потому, что по законам рыцарства он сначала должен был выполнить свое обещание и спасти принцессу от великанов! А потом уж думать об удовольствиях! Разве не так?

– Не знаю ваших дел. А кто она была, эта принцесса, о которой вы все время тут толкуете?

– Эта сеньора, которая выдавала себя за принцессу, оказалась такая же принцесса, как моя супруга Тереса.

– Любопытно было бы услышать, с какими дамами еще был знаком ваш господин.

– Еще в него была влюблена девица Альтидисора.

– Тоже принцесса?

– Это была горничная, но ей едва стукнуло пятнадцать лет. Самая здоровая девушка во всем замке. Но при виде Дон Кихота ей сразу становилось дурно, и подругам приходилось расшнуровывать ей корсет.

– Мы корсетов не носим, у нас и так все в порядке. Так что же там с ней стряслось?

– Она пела ему под лютню и молила Бога, чтобы Дульсинея так и не вышла из-под волшебных чар и чтоб он не насладился и не взошел с нею на брачное ложе.

– Дура стоеросовая. Дворцовая подметалка.

– Теперь вам ясно, что это был за человек? И это только начало. Если бы наш гость Санчо Панса не поленился и продолжил свой рассказ о любовных похождениях пресловутого Дон Кихота, то мы бы наверняка услышали немало интересного! – рассудил жених.

Санчо сказал, наливаясь гневом:

– О подлые, нескромные, неучтивые, невежественные и косноязычные люди! Наушники и клеветники! Вы думаете, я пришел к вам ради вашего пирога? Я пришел взглянуть на ту, перед которой так тяжко виноват. Не вам, а ей я хотел передать все слова моего господина, которые он обращал к ней. Может быть, я сболтнул что-нибудь и не так. Дурак в своем доме скажет лучше, чем умник в своем. Но знай одно, Альдонса, – страшнее всего была для моего господина мысль, что какая-нибудь девица его пленит и заставит нарушить обет целомудрия, который он дал владычице своей Дульсинее. И вот как он стенал ночами, не давая мне заснуть: «Для одной лишь Дульсинеи я – мягкое тесто и миндальное пирожное, а для всех остальных я – кремень. Одна лишь Дульсинея для меня прекрасна, разумна, целомудренна, изящна и благородна. Все же остальные безобразны, глупы, развратны и худородны. Природа произвела меня на свет для того, чтобы я принадлежал ей, а не какой-либо другой женщине».

– Да что же это в самом деле! Он же и знать меня не знал! – возмутилась Альдонса.

– Знал он тебя, знал, в том-то и дело.

– Вот наконец кое-что и выясняется, – обрадовался жених.

– Когда еще он скромно и бесславно жил в своем селе, ел винегрет и читал рыцарские романы и звали его просто Алонсо Кихано, – сказал Санчо.

– Тощий Алонсо Кихано, – поразилась Альдонса.

– Иногда он забредал в наше Тобосо и тут влюбился в тебя за твою миловидность.

– Я не обращала на него никакого внимания.

– Ты не обращала на него внимания, но ты показалась ему достойной быть владычицей его помыслов. И он выбрал тебе имя, которое не слишком бы отличалось от твоего собственного, но в то же время напоминало бы имя какой-нибудь принцессы – Дульсинея Тобосская. Потому что ты родом из Тобосы.

– Но он и слова мне не сказал!

– Потому что его чувство всегда было возвышенным и далее почтительных взглядов дело не заходило.

– Тощий Алонсо Кихано…

– Алонсо Кихано Добрый, так его все звали в Ламанче.

– Вот и вышло все на чистую воду, – сказал жених.

– Что вышло-то? – вскинулась мать.

– То, что они были знакомы и встречались!

– Какие же это встречи? Человек три раза в жизни видел девушку и ничего себе не позволил, а только пялил глаза, может быть, с другого конца улицы!

– Какая разница, сплетни все равно будут.

– Если ты сам не станешь трепать языком, то и сплетен не будет. У нас и читать-то никто не умеет, и знать никто не узнает, что там в Толедо написали, – сказал отец.

– А если даже сюда и дойдет какой-нибудь слух? Что плохого в том, что твоя жена стоит такой любви? – добавила мать.

– Что делать, когда настоящие парни уходят в город, то и такой может поторговаться.

– А если сюда понаедут городские молодчики, любители романов, да начнут из любопытства подбиваться к моей жене? На будущее вот тебе мой совет, дорогая: дальше постели ног не вытягивай! – сказал жених.

– Это он ревнует, потому и беснуется, – объяснила мать.

– Ревновать-то я не ревную, а зло меня берет, это верно, – ответил жених.

– Об этом я и говорю.

Отец решил:

– Давайте закругляться. Вспомните, Санчо, не нужно ли вам сменить дверь в кладовку?

– Пора бы, – согласился Санчо. – А не надобны ли вам листья для шелковичных червей?

– Не помешали бы и листья.

– Вот что, дружище. Вы должны сказать всем и объявить, что Дульсинея – не она.

– А кто же тогда Дульсинея?

– Кто угодно, только не она.

– Та, с родимым пятном над губой, Марсела, – вмешалась мать.

– Марсела – Дульсинея, – подтвердил отец.

– Он перед ней становился на колено? Она и Дульсинея.

– Ее заколдовали – значит, Дульсинея она. А что написали в книге несведущие люди – нас не касается. Санчо Панса лучше знает.

Отец показал на дочь:

– Не она?

– Не она, – сказал Санчо.

– А кто? – спросила мать.

– Не знаю.

– Черт побери, Дульсинея – Марсела с родимым пятном! Ведь так, Санчо? – рассердился отец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/aleksandr-volodin/dul-sineya-tobosskaya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити